

Долгое одиночество в прошлой жизни научило Августа находить радость в любой момент и в любом месте. А когда настроение улучшалось, многие вещи, прежде казавшиеся сложными, переставали быть проблемой. То же самое произошло и с ситуацией вокруг Рафаэля — будь что будет, авось пронесёт. Август не был виртуозом ни в одном музыкальном инструменте, зато мастерски умел «отступить с барабанным боем».

Итак, отношения Августа и Рафаэля, которые с таким трудом выстраивались полмесяца, в одночасье вернулись на круги своя...

...а вот и нет.

Потому что наступил самый холодный декабрь, и после того, как Рафаэль устроил все дела с доктором Барани, им предстояло отложить в сторону все текущие занятия и отправиться в Лондон, чтобы вместе провести праздники.

Свадьба Ричарда II была назначена на шестое января следующего года. Это был его излюбленный день для бракосочетаний — почти каждая свадьба проходила в эту дату, что являлось весьма странной причудой. Направляя Рафаэля в Бристоль, он особо поручил тому передать племяннику своё скромное желание отметить его день рождения.

Август родился двадцать пятого декабря, в один день с Иисусом. Поэтому, дабы исполнить королевскую волю, ему надлежало отправиться в путь в первой половине декабря.

Честно говоря, Августу это было не слишком по душе, но что поделать — Ричард II был не только королём Англии, но и его дядей. Будучи крупным феодалом, Август обладал достаточным весом, чтобы противостоять королю, но он не мог отвергнуть заботу старшего родственника.

Пришлось перенести и традицию с красными лентами — почти на две недели раньше.

Рыцарь-командор Андре в тысячный и первый раз выразил желание выполнить эту миссию вместо Августа, и Август в тысячный и первый раз ему отказал.

Август был не мастером на все руки, но лазать по деревьям он умел отменно.

Дуб во внутреннем дворе был исполинским. Летом его густая зелёная крона, подобно навесу, заслоняла солнце, делая это место идеальным для прохлады в зной. Хотя сейчас он стоял голый и не столь живописный, всё равно чувствовалось, почему это дерево считалось символом власти.

Пока Август карабкался вверх, у подножия дуба, ствол которого могли обхватить лишь несколько человек, собралась толпа. Рыцари, затаив дыхание, держали наготове мягкие одеяла, беспокоясь за юного герцога и стараясь подстраховать его на случай падения. Старый дворецкий в душе проклинал бывшую камеристку, которая надоумила герцога на эту затею. Ему следовало давно смекнуть, что у этой женщины были скрытые мотивы!

На ветвях уже висели с десятков красных лент, почти сросшихся с корой. Те, что выглядели относительно свежими и яркими, были повязаны Августом в последние годы; те же, что казались потрёпанными временем, — его матерью.

Это была семейная традиция, подумал герцог не без гордости, закрепляя на ветке очередную новую ленту.

Золотой лев на щите и лилия — символы, олицетворявшие уже достигнутые Чёрным Принцем победы и те, что он надеялся добыть для сына. Пока война не подошла к концу, никто не мог сказать наверняка, кто в итоге окажется на троне.

Надёжно завязав ленту, Август не стал задерживаться на дереве и приготовился спускаться. Хотя он часто шёл на риск, до безрассудства он не опускался: падение с такой высоты — не шутка. Но спуск всегда сложнее подъёма, и, хотя Август отчаянно хотел поскорее ощутить под ногами землю, ему приходилось двигаться осторожно. По давней привычке, спустившись до уровня, где ветви уже кончались, он собрался спрыгнуть прямо на подстеленные одеяла и покончить с этим мучением.

Однако, оглянувшись, чтобы прицелиться для прыжка, он вдруг увидел Рафаэля и от неожиданности вздрогнул. Лицо графа, обычно хранящее вежливую улыбку, сейчас было напряжённым и бесстрастным; взгляд — острым, как лезвие, тонкие губы — плотно сжатыми.

Ноги подкосились, ступня соскользнула с шершавого выступа коры — и Август полетел вниз, прямиком на Рафаэля.

А затем...

Рафаэль легко и уверенно поймал его, удерживая на руках, как принцессу. Август оторопел, мысли путались, и он, повинувшись инстинкту, устался на дубовые ветви над головой. Вскоре те сменились искажённым холодной яростью прекрасным лицом. Даже в самый лютый зимний день не было такого холода, как в глазах Рафаэля в этот миг.

Чёртова судьба! — мысленно выругался Август. И тут же применил экстренную меру — стал ластиться. Задрожав, словно испуганный котёнок, он принялся тереться о Рафаэля, ища утешения.

Тысяча вспышек гнева, мириады яростных слов — всё растворилось в одном долгом вздохе. Рафаэль сдался.

Угроза миновала.

Старый дворецкий: ...Просто глазам больно смотреть!

Бристоль располагался к западу от Лондона, на расстоянии ста двадцати миль.

Что такое сто двадцать миль? Современный спорткар преодолеет это расстояние за час, поезд — примерно за полтора, обычный легковой автомобиль — за два.

Проще говоря, Бристоль находился довольно близко к Лондону. Даже в Средние века, когда кареты и экипажи не шли ни в какое сравнение с суперкарами, дорога занимала не более десяти часов — одним днём всё и ограничивалось. Однако многие «нежные» аристократы умудрялись растягивать путешествие на три-пять дней, жалуясь на тряску и недостаточный комфорт в дороге.

Август же предпочитал отмучиться за один день, чем растягивать страдания на несколько суток.

И потому в день отъезда в Лондон кортеж герцога выдвинулся из Бристоля на рассвете, когда на небе ещё не занялась заря. Сам герцог в это время сладко спал на руках у Андре — рыцарь-командор, всегда такой немногословный, отлично умел переносить Августа, не потревожив его

сон. Очевидно, делал он это уже не раз и не два; старый дворецкий относился к нему с полным доверием, а обитатели замка Бристоль и вовсе не видели в этом ничего особенного.

Рафаэль тоже стоял невозмутимо, с лёгкой улыбкой на устах, но она никак не касалась его глаз.

Даже укладывая Августа в карету, рыцарь-командор ощущал ледяной холод между лопаток. Он невольно взглянул на небо, где уже начинал брезжить рассвет. Отчего так холодно? Неужели будет снег?

Рафаэль, закутанный в плащ, стоял у дверцы кареты. Голос его звучал тихо, но от этого становился лишь пронзительнее: «Можете идти».

«Слушаюсь, милорд граф», — отозвался рыцарь-командор и удалился. Сделав несколько шагов, он вспомнил, что не проверил, хорошо ли укрыт герцог, и, обернувшись, увидел, как граф Марч с нежностью поправляет край одеяла. В его глазах светилась такая теплота и мягкость, каких обычно в нём не замечалось. Показалось?

Под протяжный рёк коней кортеж тронулся в путь.

Рыцарь-командор, сидя в седле, сквозь окно кареты увидел, как граф Марч уже прикрыл ладонью нежные уши герцога и ритмично похлопывал его по груди, не давая тому проснуться от шума. Теперь он убедился: рядом с герцогом граф действительно казался живее и человечнее, словно... превращался в обычного человека, способного чувствовать.

Кортеж был длинным, слуг — немного, основную массу составляли рыцари, окружавшие герцога со всех сторон.

В глазах простолюдинов всех этих людей можно было назвать просто рыцарями, но в среде аристократии существовало множество тонкостей. В целом их делили на две категории: рыцари и оруженосцы.

Оруженосцы, в свою очередь, подразделялись на три типа:

Первый — слуги. Выходцы из простонародья, ничем не отличающиеся от обычной прислуги, без малейших шансов на повышение.

Второй — ученики рыцарей. Чаще всего юные отпрыски знатных семей, обучающиеся у рыцарей и заодно прислуживающие им в быту, выполняя посильную работу. Нечто вроде подмастерьев, в будущем способные стать рыцарями.

Третий — оруженосцы. Смешанная группа: в основном взрослые дворяне, но иногда и простые солдаты с боевым опытом. Могли сражаться бок о бок с рыцарями и имели шанс получить рыцарское звание. Август в шутку называл их «почти-рыцарями».

В нынешнем походном строю на самом внешнем кольце охраны стояли испытанные, рослые и длинноногие рыцари и «почти-рыцари». Ближе к центру располагались ученики рыцарей, имевшие собственных лошадей. Те же, у кого коней не было, размещались на крышах повозок вместе со слугами.

Да, не у каждого ученика рыцаря была своя лошадь. И даже некоторые оруженосцы обходились без неё.

<http://bllate.org/book/15929/1423856>